

ОСВОБОЖДАЯСЬ ОТ ГРАНИЦ ЯЗЫКА: ГУНЬАНЬ КАК ПСИХОПРАКТИЧЕСКИЙ МЕТОД ЧАНЬ-БУДДИЗМА

Е. А. Сидорцова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lizavetasidartsova@gmail.com*

Данная статья касается роли и значимости словесно-парадоксальных медитаций в психопрактике буддийской школы чань. Автор доказывает, что гуньянь, будучи значимой частью чаньской психопрактики, представляет собой метод гармонизации сознания адепта, позволяющий преодолевать словесно-когнитивные оковы сознания, а также является важной частью пути чань – позволяет очистить и раскрепостить сознание, что впоследствии приводит к главной цели адепта школы – просветлению.

Ключевые слова: чань-буддизм; гуньянь; психопрактика; парадоксальная медитация; просветление; язык; живые фразы.

REALISING FROM LANGUAGE BOUNDARIES: GONGAN AS AN EXSTASY PRACTICE OF CHAN BUDDHISM

L. A. Sidartsova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
lizavetasidartsova@gmail.com*

This article addresses the role and importance of verbal-paradoxical meditations in the psychopractice of the Buddhist Chan school. The author proves that gongan, while being a significant part of Chan psychopractice, is a method of harmonizing the mind, allowing an adept to overcome the verbal and cognitive chains of consciousness. Gongan is also an important part of the path of Chan – it allows the adept to purify and liberate the mind, which subsequently leads to the main goal of the school, which is enlightenment.

Keywords: chan-Buddhism; gong'an; psychopractice; paradoxical meditation; enlightenment; language; living phrases.

В процессе распространения буддизма в Китае переводчики сталкивались с трудностями перевода и объяснения санскритских терминов, из-за чего часто прибегали к так называемым *гэ и* (格义) – китайским реалиям, через которые передавали различные буддийские понятия. Например, идеи Татхагатагарбхи о зародыше, природе Будды в каждом существе, которая легла в основу названия школы чань (禪), передавали с помощью известной даосской притчи из трактата

«Чжуанцзы» (《庄子》). Истинный основатель школ дхьяны в Китае мастер Даошэн использовал ее в своей проповеди: «Символ должен выражать идею; когда идея постигнута, символ должен быть отброшен. Слова должны выражать мысли; когда мысли восприняты, слова должны быть забыты. С тех пор как буддийское учение было принесено на Восток, переводчики сталкивались с огромными трудностями, люди хватались за мертвые буквы и лишь немногие постигали их всеобъемлющий смысл. Только тот, кто может поймать рыбу, а потом отбросить рыболовную сеть, способен искать истину» [1].

Парадоксально, но ничуть не удивительно, что китайская школа чань родилась, когда ритуальная, сложная и чрезвычайно подробно описанная индийская дхьяна, от которой она взяла свое название, была отброшена как верша для ловли рыбы, и на месте ее появились чаньско-даосские техники спонтанного, мгновенного просветления, самой известной из которых является гуньянь.

Гуньянь – собирательное название для чаньских парадоксальных медитаций, состоящих из особых словесных и жестовых комбинаций, внешне представляющих собой дискурсивно нерешаемую загадку, постигнуть которую можно лишь в результате интенсивной концентрации на логическом противоречии. Чань и ее парадоксы невозможно полностью признать внеконтекстуальными. Это детище китайской словесной культуры, завязанной на диалогах между учителями и учениками задолго до прихода буддизма. Знаку, иероглифу, уделялось большое значение, а в философской мысли долгое время господствовало конфуцианство, утверждавшее, что гармония возможна лишь при повсеместной ритуализации и подчинении ритуалу *ли* (礼) всех сфер жизни благородных мужей. Китайскому уму, как писал Ху Ши, свойственна историзация, кодификация, желание найти обусловленность. Как протест против дхьяны стал началом чань, так и протест против подобных явлений стал началом гуньяня – появилась особая форма словесно-парадоксальной медитации, «вдохновенная» даосскими притчами [1]. Интересно, что в чаньском учении, неизменно отрицавшем любое знаковое знание, словесную передачу учения, подчеркивая ее интуитивный и невербальный характер, большое внимание уделяли именно словесной психопрактике. Чтобы понять, с чем это связано, необходимо сначала установить, какую роль гуньянь занимает в психопрактике школы чань.

Повторим, что любая психопрактика интенсивно воздействует на разные слои подсознания. Е. А. Торчинов выделяет три уровня воздействия психопрактики: 1) индивидуальное бессознательное; 2) коллективное бессознательное; 3) уровень трансперсональных

переживаний, таких как отсутствие различий и отсутствие в целом, единство с Абсолютом, первоначалом, Дао, Буддой [2, с. 42–50].

Этапы изменения сознания в чань описываются серией иллюстрированных стихотворений, которые называются «Десять картин приручения быка», или *ши ню* (十牛) [3]. Десяти картинкам и стихотворениям соответствуют десять этапов, которые мы, основываясь на уровнях, предложенных Е. А. Торчиновым, разделим на группы:

1) 1-ый–5-ый этапы. Стадии практики на уровне индивидуального бессознательного. Здесь, согласно русскому японисту Е. С. Штейнеру, практике гунъаней уделяется особое значение, так как усиленная работа над ними позволяет освободиться от пут логического мышления и настроиться на «просветленное сознание», а также «увидеть собственную природу» [4].

2) 5-ый–6-ой этапы. Переходный этап уровня коллективного бессознательного и переход к трансперсональным переживаниям. Этапы неведения и начала пути. Пятый этап – это этап соединения сознания адепта с просветленным сознанием своего мастера и мастеров прошлого, с самим архетипом бодхисаттвы и просветленного сознания. Это очень важная стадия, которая наступает в результате практики гунъаней, но на нем нельзя останавливаться и, чтобы продвинуться дальше, на шестой этап, необходимо продолжать усиленно созерцать парадоксы. Как пишет мастер чань Шэн Ян (1931–2009), «чань относится к просветлению как к видению своей собственной природы. Но даже этого недостаточно. Увидев свою природу, вам нужно еще больше углубить свой опыт и довести его до зрелости. Вы должны получать опыт просветления снова и снова и поддерживать его непрерывной практикой. Несмотря на то, что чань утверждает, что во время просветления ваше мировоззрение такое же, как у Будды, вы еще не являетесь полноценным Буддой» [5, с. 54].

2) 7-ой–9-ый этапы. Преднирваническое, нирваническое и постнирваническое состояния, где трансперсональный опыт достигает своего апогея и наступает полное слияние с Дао и сознанием Будды. На данных этапах практика парадоксов уже не применяется.

3) 10-ый этап. Постпостнирваническое состояние.

Гунъань необходим на пяти–шести первых этапах практики. Это связано с тем, что для регуляции бессознательных процессов на первых пяти этапах используется язык как неизменная составляющая верхних его слоев и сознания как его продукта.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем притчу из собрания Син Юня: *«Ученики учителя Даои Наньцзянь, Гуйцзун, Магу отправились к буддийскому наставнику императора Хуэйчжуну. По дороге Наньцзянь внезапно остановился и нарисовал на земле большой круг, сказав: “Если вы сможете выразить свои переживания*

относительно этого круга, и они будут подобны ему, мы продолжим идти к Хуэйчжуну и спросим у него!” Услышав это, Гуйцзун сразу же побежал в центр круга и сел, выражая свои переживания в сидячей медитации. Магу сложил руки вместе и склонил голову за пределы круга, как девушка, демонстрируя свое почтение мастеру Хуэйчжуну. Наньцюань увидел поведение двух монахов и с большим разочарованием сказал: “Нам ни к чему идти!” Гуйцзун и Магу спросили в ответ: “Почему это?” Наньцюань ответил им: “Невозможно относительноым нанести визит безотносительному”»¹ (перевод наш – Е. С.).

Итак, согласно гунъяню, монахи чань желали нанести визит заслуженному учителю.

Наньцюань нарисовал на земле круг. Круг вызывает ассоциации с *юаньсян* (圓相) – образом, который в чаньской практике соотносится с *хуатоу* о первоначальном лике, указывающим на истинную пустоту и чистую бесформенность, обладающими лишь оттенками некой потенции. Его можно рассматривать как Дао в его первозданном и неразделенном состоянии [7, с. 297].

Гуйцзун стал медитировать в центре круга восьмеричного пути, символизируя свою «просветленность». У круга в его действии появилась форма и относительность, которую отрицало чаньское учение. Кроме того, в его жесте присутствует еще одно указание на относительность: техники мгновенного просветления, несмотря на свой медитативный характер, противопоставлены сидячей медитации как позволяющие достичь самадхи гораздо быстрее и глубже.

Мацзу, находясь за кругом, совершил ритуал, похожий на конфуцианский. Кроме того, не зря в тексте парадокса его сравнивают с женщиной – это один из чаньских признаков формы.

Хотим подчеркнуть направление и идею движения из одной точки в другую с некой сакральной целью: «Невозможно имеющим форму «поклониться» бесформенному». Таким образом, в гунъяне, в котором речь идет о посещении великого учителя, фактически описывается духовное «посещение», в котором каждый из монахов выбирает свой

¹“当时在马祖道一禅师座下的南泉、归宗、麻谷三位禅师相约想去参访慧忠国师。在途中，南泉普愿禅师忽然停下来，随手在地上画了个大圆圈说道：“如果你们能对这个圆圈表示自己的感想，而此心得能和这圆圈相似，我们再去向他问道吧！”

归宗禅师听后，立刻跑到圆圈的中央一坐，以坐禅的姿态表示他的心得。

麻谷禅师却双手合十，学着女孩子的姿态在圈外低头礼拜，表示他对慧忠国师的尊敬。

南泉禅师看到两个人的举止，非常失望地说道：“我们可以不用去了！”

归宗禅师和麻谷禅师反问道：“这是为什么？”

南泉禅师回答道：“我们不能用有相参拜无相。” [6].

способ его совершить – относительный или безотносительный, правильный или неправильный.

Хуэйцзэн говорил: «Если говорить “не пользуйтесь письменными знаками”, то люди, [поняв это буквально], не будут говорить, так как речь – это те же письменные знаки. Но если вы говорите о пустоте с уровня собственной природы, то это и будут истинные слова. Если же ваша изначальная природа не пустотна, омрачена неведением и иллюзиями, то тогда вы должны отбросить эти слова (т.е. неистинные слова – *авт.*)» [7, с. 115]. Так, в чань выделяются два типа слов, соответствующих двум принципиально отличающимся состояниям сознания – «омраченному» и «просветленному». Не зря одним из постулатов чань служила фраза: “教門为有相, 禅門为无相” [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] – «Двери учения относительны, чань (созерцание) безотносительно». Относительное в этом смысле – слова омраченного сознания, в то время как безотносительное – просветленного.

Таким образом, как «визит безотносительному» наносится «безотносительным», так и слова гуньяня в своей живой, утонченной природе, позволяют преодолеть дискурсивные оковы языка как системы мертвых фраз. Безотносительность языка гуньяней позволяет адепту прямо указать на реальность такую, какая она есть, что и является просветлением в буддийской школе чань.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ху Ши. Развитие дзэн-буддизма в Китае. URL: <https://libr.link/religiya-buddizm/shi-razvitie-dzen-buddizma-39517.html> (дата обращения: 15.02.2022).
2. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997.
3. Suzuki D. T. Manual of Zen Buddhism D.T. Suzuki. URL: <https://www.thezensite.com/ZenEssays/Miscellaneous/ManualOfZenBuddhism.pdf>. (date of access: 05.04.2022).
4. Штейнер Е. С. Сатори, природа будды, дхарма: как это соотносится с сознанием и что делает с последним дзэнская практика. Стенограмма заседания семинара «Феномен Человека в его эволюции и динамике». URL: <https://kk.convdocs.org/docs/index-303655.html>. (дата обращения: 20.05.2021).
5. Sheng Yen. Dharma Drum: The Life and Heart of Chan Practice. Boston, London: Shambhala, 2006.
6. 星云 /星云禅话. URL: http://www.chibs.edu.tw/ch_html/hkbj/06/hkbj0608.htm. (дата обращения: 20.11.2019).
7. Сидорцова Е. А. Даосское понятие у (无) в чаньском гуньяне о «первоначальном лике» // Сборник тезисов 77-й научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов факультета международных отношений БГУ. Минск, 23 апреля 2020 г. / Редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. Минск, 2020.

8. Huineng. The Platform Sutra of the Sixth Patriarch. A text from the Tunghuang Manuscript / Transl. and notes by Philip Yampolski. New York : Columbia University Press, 1967.

9. 荷澤神會 / 顯宗記 URL: <http://www.10kbuddhas.org/showroom/model/T0215/templateCustomWebPage.do?webId=1226429551048&editCurrentLanguage=1226429551050&customWebPageId=1336369912415463383>. (дата обращения: 20.01.2022).

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ

Чжан Синь

*Университет Хучжоу,
Западный кампус, Бакалавр-роуд, 1, г. Хучжоу, Китай, Zx1091552119@163.com*

Культурная функция университетского образования заключается в наследовании и обновлении культуры, в которой очень важную роль играет философское образование. Наследование и обновление культуры проходят через две основные части философского образования - специальное образование и общее образование. Философское образование есть гуманистическое образование, и его основной целью является воспитание свободного и всесторонне развитого человека. Философское образование является наиболее важным способом развития теоретического мышления. Однако перед философским образованием в Китае стоит задача глубокого осмысления истоков его формирования и путей целенаправленного совершенствования.

Ключевые слова: философское образование; культурная функция; общее образование; китайский университет.

FEATURES OF TEACHING PHILOSOPHY AT A MODERN CHINESE UNIVERSITY: APPROACHES AND MAIN CONTENT LINES

Zhang Xin

*Huzhou University,
West Campus, Bachelor's Road, 1, Huzhou, China, Zx1091552119@163.com*

The cultural function of university education is to inherit and renew a culture in which philosophical education plays a very important role. Inheritance and renewal of culture pass through two main parts of philosophical education - special education and general education. Philosophical education is a humanistic education, and its main goal is to nurture the free and all-round development of man. We must not only be able to nurture philosophical talents, but also be able to nurture talents with philosophy. The development